

уносили на руках. Мы видели, как при этом души наполнялись раскаянием, предвещая смятение в день Страшного суда» (221—222; 156). Не менее сильным было это воздействие и в других описанных Ибн Джубайром случаях, что свидетельствовало об ораторском искусстве представителей духовенства и высокой профессиональной подготовке упомянутых им шейхов и имамов.

В целом же «Путешествие» Ибн Джубайра, обладающее всеми достоинствами записок очевидца, дает представление о положении духовенства на Ближнем Востоке конца XII в., несомненно, более яркое, чем какой-либо другой из известных нам источников этой эпохи. В государстве Фатимидов — а Ибн Джубайр посетил Египет и Сирию всего через 13 лет после его падения — исмаилитское духовенство имело четкую официальную иерархию, возглавляемую имамом-халифом. Салах ад-дин искоренил шиизм, с которым исчезла и многоступенчатая иерархия, но принцип зависимости духовенства от центральной власти при нем сохранился.

Судя по «Путешествию», в Египте и Сирии, а также в Ираке шла дальнейшая институционализация ислама и профессионализация духовенства, получавшего в религиозных учреждениях должности, а также содержание от государства.

¹ The Travels of Ibn Jubair. Second ed., revised by M. J. de Goeje.— GMS. 5. 1907. Ибн Джубайр. Путешествие. Пер. с араб., вступит. ст. и примеч. Л. А. Семенов. М., 1984. Далее при ссылках на это издание в тексте (в скобках) даются соответственно страницы арабского текста и перевода.

² См. M. G a u d e f r o y - D e m o m b y n e s. Une lettre de Saladin au Calife Almohade.— Mélanges René Basset. T. 2. P., 1925.

О. А. Сухарева

ПОТОМКИ ХОДЖА АХРАРА

Ходжа Ахрар был одной из весьма заметных фигур среднеазиатского средневековья. Ему посвящены специальные работы, о нем говорится во всех сводных трудах. Поэтому понятен интерес, который вызывает судьба его потомков и его огромных богатств. Автор имела возможность в 20—40-х годах собрать некоторые сведения о том поколении, которое компактной группой проживало в селении Ходжа-Ахрар, в 4 км к югу от Самарканда. Публикация О. Д. Чехович вакфных грамот Ходжа Ахрара позволяет подкрепить наши этнографические данные свидетельством этого ценнейшего источника¹.

В XV в. селение Ходжа-Ахрар называлось махалла Ходжа-Кафшир². Здесь жил Ходжа Ахрар, здесь он построил обитель дервишей³, которой завещал обширные вакфы⁴, здесь он похоронен⁵, и его гробница также сделалась обладательницей крупного вакфа⁶. Название махалла Ходжа-Кафшир в конце XV — начале XVI в. было заменено другим — Махалла-йи Ходжа, а потом селение получило название Ходжа-Ахрар, которое сохранялось до недавних пор⁷.

Но изменение коснулось не только названия; в начале XX в. на той же территории размещалось два селения: севернее располагалось большее, называвшееся Ходжа-Ахрар, южнее — меньшее, за которым сохранилось старое название — Ходжа-Кафшир. Между ними находится большое кладбище, где покоится Ходжа Ахрар. Таким образом, махалла Ходжа-Кафшир разделилась на два отдельных селения. Когда это произошло, пока не выяснено.

Селение Ходжа-Ахрар было центром Ходжа-Ахрарской волости. В нем находилось богато украшенное изразцами медресе, известное теперь как медресе Ходжа Ахрара, хотя оно было построено Надир-Мухаммад диванбеги в 1630/31 г. у могилы Ходжа Ахрара. «Самария» называет это медресе «наружным» (т. е. загородным) медресе Ширдор⁸. Часть здания представляла собой мечеть. Вокруг был выращен чинаровый парк, возможно занявший место зеленых насаждений, которые, по завещанию Ходжа Ахрара, должны были окружать обитель дервишей⁹. Медресе и парк в начале XX в. служили намазга-

хом — местом общих молитв в дни годовых праздников; здесь собирались жители всех окрестных селений.

Как же образовалась группа ходжей, которые считали себя потомками Ходжа Ахрара? Известно, что у Ходжа Ахрара было двое сыновей. Старший, Мухаммад-Абдаллах, в источниках упоминается как Ходжа Калан, Ходжака, Ходжаги-ходжа¹⁰ или Ходжа Ходжаган и Ходжаган-ходжа. Оба последних варианта встречаются в известном сочинении «Рашахат айн ал-хайат»¹¹. Замена имени почетным прозвищем означала особое уважение; в Средней Азии этикет требовал не называть человека, особенно почетного, по имени, вместо него употреблялось либо название степени родства, либо титул, либо прозвище. Прозвищем было и Ходжа Ахрар (собственное имя шейха — Убайдаллах).

По закону майората, который соблюдался в ишанских семьях, Мухаммад-Абдаллах должен был бы наследовать положение отца, его мюридов и большую часть имущества (особенно доходные вакфы). Подобная практика во всех деталях описана для другого ишанского рода — бухарских ходжей Джуйбари¹². Основой этой системы было представление о том, что в роду может быть только один ишан, который сохраняет это звание и дар до самой смерти, а потом передает их своему преемнику. Это представление базировалось на концепции избранничества и вере в то, что стать настоящим ишаном может только тот, кому обеспечена сверхъестественная помощь — его поддерживает, учит и дает силу дух умершего ишана, в свою очередь получающий такую же поддержку от своего предшественника¹³. Передача ишанства (назначение преемника и его подготовка) могла быть осуществлена при жизни или после смерти; в последнем случае представлялось, что душа умершего ишана укажет своего избранника каким-либо знаком.

Выбор Ходжа Ахрара, очевидно, был сделан при жизни и пал на младшего сына — Мухаммад-Иахйу. В моем распоряжении нет прямых указаний на это, но косвенных свидетельств немало. Мухаммад-Иахйе поручается вести самым крупным вакфным пожалованием¹⁴. Позже это назначение Мухаммад-Иахьи и именно его потомков подтверждено запротоколированными свидетельскими показаниями¹⁵. В качестве истца и ответчика в тяжбах по вакфу Ходжа Ахрара фигурирует правнук последнего, внук Мухаммад-Иахьи, тоже носивший имя Мухаммад-Иахйа¹⁶. В тех же случаях, когда в завещании назван старший сын Ходжа Ахрара — Мухаммад-Абдаллах, права и соответственно доходы он должен был делить поровну со своим младшим братом.

После смерти Ходжа Ахрара не старший его сын, а младший, по мнению О. Д. Чехович, играл «видную роль в политических событиях конца XV в.»¹⁷ и даже был «фактическим правителем города» (Самарканда)¹⁸. Надо думать, что такое положение было связано с передачей ему не только имущест-

ва, но и ишанства вместе с наследственными мюридами. Вероятно, в этом смысле О. Д. Чехович считала его «преемником» Ходжа Ахрара.

Оба сына ненадолго пережили своего отца: Мухаммад-Иахйа был убит в 1500 г.¹⁹, Мухаммад-Абдаллах упоминается в «Рашахат» (окончено в 1504 г.) как человек умерший²⁰. Ишанство, видимо, и в дальнейшем оставалось в руках потомков Мухаммад-Иахьи: в документе 1533 г. его сын Мухаммад-Баки назван «высокосвятейшим ишаном», а внук Мухаммад-Иахйа — «прибежищем султанов», «советником царей и правителей»²¹.

Предпочтение, оказанное Ходжа Ахраром младшему сыну, по-видимому, вызвало сложные отношения в семье. По «Рашахат», старший сын жил не с отцом, а в принадлежавшем ему селении Варсин (приезжая время от времени проведать Ходжа Ахрара) из-за вражды между братьями. От посторонних эти семейные неурядицы скрывались; в «Рашахат» описывается, как торжественно встретил отец старшего сына в его очередной приезд: он облачился в парадную одежду и вышел ему навстречу²². Свидетелем этой встречи был сам автор «Рашахат».

Неясно, чьими потомками были ходжи, проживавшие в селении Ходжа-Ахрар в начале XX в. Вернулся ли сюда после смерти отца Мухаммад-Абдаллах со своей семьей, смешалось ли его потомство с потомством его брата или вся группа «ходжа-ахрарских» ходжей была потомками одного Мухаммад-Иахьи? В записанной мной полной родословной Ходжа Мухаммад-Даврона (род. ок. 1857), доведенной до Ходжа Ахрара, предшествовавшие ему поколения предков были представлены Мухаммад-Иахьей и его сыном Мухаммад-Баки. Других подобных генеалогий в моем распоряжении не имеется.

Причисляя себя к «священному» сословию ходжей, мои информаторы хорошо представляли себе значение этого звания: по их словам, ходжа происходит из рода одного из четырех первых халифов (Абу Бакра, Омара, Османа и Али), которые мусульманами почитаются как святые. Когда-то в семьях ходжей, особенно родовитых и знатных, имелись письменные родословные — шаджара, но они были давно утеряны. Имена предков Ходжа Мухаммад-Даврона были выписаны им в большую переплетенную тетрадь, и он смог по этой записи их перечислить. Его генеалогия имела следующий вид: Мухаммад-Даврон-ходжа (мой информатор) — Тура-хон-ходжа — Абул-файз-ходжа — Эшони Мухаммад-Юсуф-ходжа — Мухаммад-Инаятallah-ходжа — Шахабадин-ходжа — Мухаммад-Баки-ходжа — Мухаммад-Иахйа — Хазрати Ходжа Ахрар. Родословной Ходжа Ахрара по поколениям мой информатор не знал, но ему было известно, что предки Ходжа Ахрара восходят к трем халифам: со стороны отца к Абу Бакру, со стороны матери — к Али и Омару. Поскольку учитывалось про-

исхождение как по отцовской, так и по материнской линии, во многих семьях родоначальниками оказывались несколько халифов сразу. Так, Ходжа Тура-хона (род. ок. 1863) назвали самым родовитым и сообщили, что он, будучи последним потомком Ходжа Ахрара по прямой нисходящей линии и, может быть, являясь даже последним преемником ишанства, вел свой род, как и Ходжа Ахрар, со стороны отца от Абу Бакра (от которого его отделяло, по его словам, 19 поколений), а со стороны матери — от Омара (14 поколений) и Али (24 поколения).

К сожалению, полной родословной этого Ходжи записать не удалось. В большинстве же семей знали имена только нескольких ближайших предков и имена родоначальников. Например, в хорошо знакомой мне семье Ходжа Субхан-хона (род. ок. 1877) мне смогли назвать только имя отца — Мухаммад-хон (род. ок. 1840), деда — Маъруф-хон (род. ок. 1770) и прадеда — Махмуд-хон (род. ок. 1740). Предыдущих предков не знали, так как этим не интересовались («мы не спрашивали»). Но первых своих родоначальников в этой семье назвали уверенно: по линии отца — от халифа Омара, по линии матери — от Османа²³.

В каждой семье хранились предания о первом предке. Так, в семье Субхан-хона, которая по отцовской линии происходила якобы от Омара, мне рассказали такую легенду. Омар с утра до обеда занимался своими царскими делами, а после полудня, несмотря на царское звание, делал кирпичи, не желая жить на нетрудовые доходы. Поэтому Омар считался патроном кирпичников. Как-то во время этой работы его сильно припекло солнце. Он попросил солнце жечь не так сильно, в ту же минуту «лицо» солнца повернулось в сторону неба, а «спина» — к земле. Поэтому и теперь солнце не слишком палит, его жар можно выдерживать.

Были распространены легенды и о Ходжа Ахраре. Помимо тех, которые имели книжное происхождение и были пересказом (с большими преувеличениями) сведений, почерпнутых из письменных источников (главным образом из «Рашахат»), ходили и чисто фольклорные рассказы. В них Ходжа Ахрар рисуется выходцем из бедняков. Он якобы рассказывал о себе, что до 30 лет не имел теплой одежды и все его богатство пошло от занятия земледелием вместе с другим бедняком. У них был один-единственный вол на двоих. Когда Ходжа стал богачом, он долго не хотел принимать посылаемого богом богатства, однако не мог противиться божьей воле и только просил, чтобы если уж ему посылается богатство, то пусть не посылается жадность. Став очень богатым, Ходжа Ахрар, подковывая своих лошадей золотыми подковами, прибывал их деревянными гвоздями, чтобы они поскорее спадали и их могли подбирать прохожие. В фольклорных рассказах Ходжа Ахрар ни у кого ничего не брал. Если уж нельзя было отказаться, он

тратил полученное на какое-нибудь общепольное дело, например постройку моста.

Интересна сама тенденция искажения исторической действительности этими легендами, созданными для возвеличения Ходжа Ахрара. Черты, которыми его наделяли, выражали некий этический идеал, видимо живший в сознании средневекового человека из народа.

История сложения и умножения хозяйства Ходжа Ахрара, отраженная в документах, рисует его как энергичного скупщика земель и другой доходной недвижимости, который, действуя весьма целенаправленно и расчетливо, постепенно собирал в своих руках огромное богатство и распоряжался им с большой дальновидностью. Значительную часть земель он обратил в вакф, обезопасив их таким образом от расхищения, распродажи и дробления. Он оставил за собой полную свободу действий и оговорил право вносить любые изменения в условия вакфа, а также обеспечил «на вечные времена» посредством завещания, содержащегося в условиях вакфа, немалые доходы своим потомкам. Огромны были доходы его первых потомков. Одному Мухаммад-Ияхйе досталось особенно большое богатство. После Мухаммад-Ияхйи те же доходы стал получать его сын Мухаммад-Баки, а потом внук Мухаммад-Ияхйа. Со временем род их сильно размножился, доходы стали делиться между большим числом наследников, и, конечно, на долю каждого приходилось все меньшая часть, хотя общая сумма поборов с крестьян не уменьшилась.

Численность потомков Ходжа Ахрара, проживавших в конце XIX — начале XX в. в селении его имени, статистическими материалами не устанавливается: при проведении переписей населения ходжи не выделялись. По устным сообщениям, полученным в 30—40-х годах, «раньше» ходжей обоего пола и разного возраста (начиная со дня рождения) насчитывалось свыше 440. Так как по переписи 1920 г. в селении Ходжа-Ахрар насчитывалось 112 ходжей, можно полагать, что потомки Ходжа Ахрара составляли здесь около 25%²⁴.

Ходжи считали себя благородным, священным сословием. Простой народ относился к ним, по крайней мере внешне, с почтением: обращаясь к ходжам-мужчинам, их называли «тура» (господин), а к ходжам-женщинам — «пошшо-оим» (царица).

Ходжи в прошлом не причисляли себя к тому народу, среди которого жили много веков, хотя и не отличались от него ни своим внешним обликом, ни языком, ни культурой. Мне приходилось от них слышать, что они скорее всего арабы, как и их первые предки. Конечно, связь их с арабским этносом чисто мифическая. Однако нельзя не учитывать, что в родах ходжей довольно строго соблюдался запрет вступать в брак с посторонними. Правда, этот запрет был безусловен лишь в отношении женщин. Для мужчин же обязательна была женить-

ба на девушках-ходжах только при первом браке, при последующих браках ходжи могли брать в жены и посторонних. Однако это случалось редко, так как в Самарканде, как и во многих других местах, семьи, как правило, были моногамными и вторую жену брали обычно только в случае бездетности первой. Дети от браков с посторонними мужчинами и женщинами считались ходжами, но «чистокровные» ходжи не забывали их «низкого» происхождения и не считали их равней себе.

К вопросу о своем происхождении «ходжа-ахрарские» ходжи относились очень ревниво. Говорили, что не все, называвшие себя ходжа, имели на это право. Если оказывалась в том нужда, требовали письменных доказательств (в виде шаджара) или хотя бы устных: правильного с их точки зрения перечисления имен предков, знания легенд о первых халифах-предках. Когда зашла речь о человеке, претендующем на происхождение от Мухаммад-Ханафия, который считался сыном Али от другой жены (не Фатимы), Ходжа Тура-хон сказал: «Ну-ка, пусть предстанет передо мной, доложит». Видимо, таких доказательств требовали и при поисках подходящей партии для молодого человека или девушки, если в своей среде кандидатуры не находилось (прежде всего искали среди ближайших родственников, так как традиция родственных браков у населения районов древнего орошаемого земледелия была широко распространена²⁵).

Особенно не хватало невест, так как до Октябрьской революции число мужчин всегда превышало число женщин. Если не было пары среди ходжей своего рода, искали в других родах ходжей, причем строго учитывали происхождение и поэтому в большей или меньшей степени знали генеалогию друг друга²⁶. Запрет для женщин браков с посторонними укреплялся тем, что звание «ходжа» передавалось не только по мужской, но и по женской линии вместе со всеми вытекающими отсюда моральными и материальными привилегиями. Об этом запрете хорошо знало все окружающее население. Когда в годы Великой Отечественной войны одна девушка-ходжа вышла замуж за своего товарища по работе, учителя школы, к ходжам не принадлежавшего, об этом говорил весь город как о необыкновенном происшествии.

Однако этот факт не был единственным. Имелось предание, что «во времена Ботурхана» (эмира Насраллаха, правившего в 1840—1860 гг.) один «ходжа-ахрарский» ходжа выдал свою дочь за самаркандского казикалана, по происхождению таджика-горца, родом с верховьев Зеравшана, из селения Ери. Казикалана «постигло наказание»: у него отнялись ноги, и он был известен под прозвищем «Козийи шал» (парализованный ходжа). Вторым его преступлением предание считает подделку вакфных документов, которые, воспользовавшись отъездом отца, выкрала жена казикалана. Вырезав из них одно и вписав другое, он перевел земли на себя («сделал их своим мил-

ком»), а чтобы никто не мог оспорить его прав на милковую собственность, он тайно закопал в нескольких местах угли и потом доказывал свое право на землю тем, что «у него есть знаки». После смерти казикалана эти земли достались его сыну Алау-хону от жены-ходжи (дети казия от других жен на это имущество прав не имели). Наследство не принесло благоденствия потомству казия: сын Алау-хон оказался развратником и промотал доставшееся ему богатство. Ходжи отомстили казию за незаконное присвоение их родового имущества, так же как и за противную обычаям женитьбу на девушке-ходже, не допустив похоронить его, согласно его завещанию, на ходжа-ахрарском кладбище (он был похоронен за его пределами, у проезжей дороги).

В конце XIX — начале XX в. большинство потомков Ходжа Ахрара вело трудовую жизнь, занимаясь преимущественно земледелием. Насколько можно было судить по непосредственным наблюдениям, семьи рядовых ходжей жили не более обеспеченно, чем другие крестьяне среднего достатка. В одной хорошо знакомой мне семье ходжей один брат еще подростком, а потом юношей работал в чужом хозяйстве, где его обязанностями были уход за скотом и разная домашняя работа, второй же брат нанимался на какие-то земляные работы. Во всех домах, которые мне довелось посетить, убранство было самое скромное.

До начала XX в. наряду с доходами от своих прямых занятий семьи ходжей имели и нетрудовые доходы. Они ежегодно получали ушр, или дахйак, который делился между всеми ходжами (причем новорожденный имел те же права, что и взрослые) из расчета по две доли на каждого мужчину и по одной доле на каждую женщину.

Все мои информаторы, даже из числа рядовых неграмотных ходжей, хорошо представляли себе источник этих доходов, хотя уже много лет его не имели. По словам Ходжа Субханхона, поступления в свое время шли с их вакфных земель, которые были очень обширны. Дехкане, возделывавшие их, давали ходжам десятину («если получают сто манов пшеницы, десять манов отдавали ходжам»).

Термином «ушр», по мнению большинства историков, назывался государственный налог размером в $\frac{1}{10}$ урожая. В данном случае десятая часть урожая шла не государству, а коллективному феодальному собственнику в лице потомков Ходжа Ахрара. По классификации Е. А. Давидович, это был милк третьей категории (критерий категории — относительные размеры фиксированной части ренты феодала и ренты-налога государства), с которого $\frac{1}{10}$ урожая получал феодал, а $\frac{2}{10}$ — государство²⁷.

Опубликованные О. Д. Чехович документы Ходжа Ахрара позволяют представить себе, каким способом получали ходжи ушр в средние века. В вакфной грамоте 1489 г. говорится, что

из полученной от крестьян доли урожая следует выплачивать, во-первых, «вознаграждение сборщикам доходов с вакфа и переписчикам зерна», а во-вторых, — «неизбежные подати в пользу правительств»²⁸. Следовательно, все отношения с крестьянами осуществлялись не государственными чиновниками, а ходжами через людей, нанятых мутаваллием, и государство причитающуюся ему долю урожая получало из рук ходжей. Надо полагать, что этот способ применялся и в последующем, пока не изменились исторические условия, т. е. по крайней мере до присоединения Средней Азии к России.

Одно время считалось, что размер феодальной ренты с разных категорий земли (по праву собственности) был различным. Как доказала Е. А. Давидович, размер феодальной ренты, т. е. норма эксплуатации крестьян, была одинаковой на землях всех трех категорий (по праву собственности) и состояла из двух частей: фиксированной (асл) доли урожая зерновых и «прочих» поборов в натуральной, денежной и отработочной форме. Фиксированная часть на поливных землях равнялась $\frac{3}{10}$ урожая зерновых, если, предупреждает Е. А. Давидович, не считать злоупотреблений²⁹. Последние же, как известно, были не исключением, а правилом и наносили крестьянскому хозяйству большой ущерб. Сборщики налогов, направляемые ходжами на свои вакфные владения, вероятно, тоже не пропускали возможности получить лишнее, но все же их должен был сдерживать суеверный страх перед «нападением» со стороны духов умерших ишанов и самого Ходжа Ахрара, гнев которых представлялся вполне реальной опасностью³⁰. Может быть, это несколько облегчало положение крестьян, сидевших на вакфных землях, по сравнению с положением тех, кто оказывался на государственных (амлаковых), попадая полностью во власть эмирских чиновников.

Ходжа Ахрар, обращая свои земли в вакф, значительную часть доходов предназначал своим потомкам по мужской линии «из поколения в поколение, из века в век»³¹, оговорив также, что мутаваллии будут из потомков по мужской линии, «а потомки по женской линии не будут»³². Преимущество мужских потомков оговорено и в вакфе мавзолею на могиле Ходжа Ахрара³³. Хотя этот документ датирован 1546 г., т. е. со времени смерти Ходжа Ахрара прошло почти столетие, нет сомнений, что текст грамоты составлен еще при его жизни и по его указанию: в нем находим характерную для всех его прижизненных документов оговорку относительно права внесения в условия вакфа любых изменений — это право Ходжа Ахрар оставлял только за собой, отказывая в нем своим потомкам³⁴. Тем не менее в какой-то пока неизвестный момент порядок раздела ушра с вакфов изменился: определенную долю (равную половине мужской) стали получать и женщины.

Основанием для пересмотра прежнего порядка, вероятно, послужила следующая оговорка в грамоте 1489 г.: если бого-

угодное заведение, которому завещан вакф, разрушится и исчезнет, «доходы вакфа пусть будут поделены между наследниками таким способом, который пользуется предпочтением при разделе наследства»³⁵. «Пользующийся предпочтением» способ раздела наследства — это предписание шариата, признававшего наследственное право всех детей умершего, причем дочь должна была получать половину доли сына. Именно этот принцип теперь был положен в основу распределения доходов. Изменение первоначальных указаний, очевидно, было произведено в связи с разрушением обители дервишей и мавзолея, возможность чего была предусмотрена Ходжа Ахраром. Когда это случилось, неизвестно.

Можно предполагать, что новшество вошло в жизнь не без сопротивления поборников старого порядка и тех, кому нововведение было невыгодно в связи с преобладанием в составе семей мужчин: доли ушра стали более мелкими, так как доход приходилось делить на большее число «пайщиков». Но верх одержали сторонники новой системы раздела доходов, и в конце XIX—начале XX в. она была общепризнанной: мои информаторы даже и не подозревали, что когда-то было иначе.

Существовала установившаяся, вероятно, еще в средние века практика «продажи» (сдачи на откуп³⁶) своей доли ушра: в начале XX в. за каждые 100 тенег из ушра откупщик давал наличными 80 тенег. Такие сделки оформлял мутаваллий, который выдавал соответствующий документ (санад), скрепляя его своей подписью. Как говорили информаторы, «Николай» брал с этих сделок «процент» («Некалай гарди хазина гуфта пирасон мегирифт»).

Из ушра ходжи получали не только денежные доли, но и питание. У них была своя пекарня, которая обеспечивалась мукой и топливом за счет ушра и в которой ежедневно выпекались лепешки: их раздавали ходжам из того же расчета, что и деньги, т. е. по две лепешки на каждого мужчину, по одной — на каждую женщину. Раз в неделю, вечером под пятницу, на помин души Ходжа Ахрара читался Коран и варилось горячее жертвенное кушанье (худои), которое раздавали всем желающим. Работу пекарни (вероятно, и приготовление пищи) обеспечивал специальный человек, нанятый и, конечно, оплачиваемый тоже за счет ушра. По сообщению рисовальщицы Урун-ой Умурбаевой (жительницы Самарканда, родившейся в 1860 г.), ее старший брат «был у ходжа-ахрарских ходжей девонбеги». Видимо, он нанимал пекарей и ведал расходованием продуктов.

Реализация ушра (сбор зерна, других доходов, их распределение) находилась в руках мутаваллия. После смерти Ходжа Ахрара мутаваллиями были его сыновья, впоследствии — его более отдаленные мужские потомки. Должность мутаваллия, как известно, была выгодной и приносила законный (согласно завещанию учредителя вакфа) и, возможно, незаконный доход

(злоупотребления мутаваллиев были общеизвестным фактом). Ходжи сообщили мне, что в конце XIX в. были одновременно два мутаваллия, которые ведали делами ушра совместно. Причина и продолжительность такой практики неизвестны. Может быть, каждый из них представлял собой потомков одного из сыновей Ходжа Ахрара?

С какого-то времени ходжи перестали получать ушр с крестьян сами. В конце XIX в. чиновники русской администрации, собрав подати с населения, отделяли ходжам их долю уже не натурой, а деньгами.

Поступление ушра, по сообщениям, прекратилось «во время японской войны». Отмену его мои информаторы связывали с проверкой вакфных документов (проведенной при участии В. Л. Вяткина, имя которого ходжи хорошо знали). Как известно, во время проверки обнаружилось много подложных документов и вскрылись злоупотребления со стороны некоторых мутаваллиев. По мнению моих собеседников, тогда выявился и подлог, совершенный при Насраллахе самаркандским казикаланом, что и послужило якобы поводом для аннулирования права ходжей на ушр. Исчезла пекарня ходжей, прекратились приготовление и раздача жертвенного кушанья и заупокойные поминания. Мутаваллии существовали и после отмены ушра, но они занимались лишь организацией ухода за мечетью, медресе и могилой Ходжа Ахрара. Последним таким мутаваллием был Эшон Байон-хон.

Естественно, ходжи считали отмену ушра нарушением своего «священного» права, и мне приходилось слышать от них, что именно за это незаконное действие царское правительство получило «возмездие свыше»: поражение в русско-японской войне и свержение царской власти во время революции 1917 г.

Отмена ушра «ходжа-ахрарских» ходжей была явлением закономерным; проверка вакфных документов могла послужить толчком, но истинные причины, конечно, лежали глубже. Это мероприятие русской администрации следует рассматривать как одно из последних звеньев налоговой и аграрной политики, которая должна была привести к ликвидации феодального землевладения и феодальных привилегий. Эту политику начали осуществлять сразу после присоединения Средней Азии к России, и она приобрела значение закона после введения положения 1886 г. «Ходжа-ахрарским» ходжам в течение еще почти 20 лет после этого удавалось избегать конфискации своих феодальных владений, возможно, по причине полного слияния с крестьянской массой. Однако остается фактом сохранение ими ушра до середины первого десятилетия XX в. Подобные факты в научной литературе не отмечены.

Так пришел конец действию завещания Ходжа Ахрара, который обеспечил своим потомкам постоянный доход, регулярно поступавший им в течение почти полутора тысячелетия. Хотя каждому из этого сильно разросшегося рода в конце XIX —

начале XX в. доставалось понемногу, но с крестьян отчисления в их пользу вплоть до отмены ушра производились той самой мерой, которая взималась с них еще при Ходжа Ахраре.

¹ Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критич. текст, пер., введ., примеч. и указатели О. Д. Чехович. М., 1974 (ППВ. 31).

² О термине «махалла» см. О. А. Сухарева. О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии (ку, махалла, гузар). — НАА. 1965, № 6, с. 102—104. В Самарканде и Северном Таджикистане этим термином (обычно во множественном числе — «махаллот») обозначались пригородные селения, где горожане имели летние усадьбы и жили с весны до осени.

³ См. В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. — Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7. Самарканд, 1902, с. 21; Самаркандские документы..., с. 388 (примеч. 62).

⁴ Самаркандские документы..., с. 107—235 (вакф-наме 1489 г.).

⁵ [Н. И.] Веселовский. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде. — Восточные заметки. Сб. статей и исследований профессоров и преподавателей Факультета восточных языков Импер. С.-Петербургского университета. СПб., 1895, с. 321—335.

⁶ Самаркандские документы..., с. 316—372 (вакф-наме, 1546 г.).

⁷ Там же, с. 388, примеч. 62.

⁸ Абу Тахир Ходжа. «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Пер. В. Л. Вяткина. — Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 6. 1899, с. 173. Медресе, построенное самим Ходжа Ахраром, теперь не существующее, находилось в Самарканде, недалеко от южных, Сузангаранских ворот (Самаркандские документы..., с. 265 и сл.).

⁹ Самаркандские документы..., с. 175.

¹⁰ Там же, с. 400, примеч. 199.

¹¹ Фахр ад-дин Али б. Хусайн Ваиз ал-Кашифи. Рашахат айн ал-хайат. Окончено в 1504 г. Литография. Таш., 1911 (далее — Рашахат).

¹² П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, с. 56, 67.

¹³ О. А. Сухарева. Бухара XIX — начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966, с. 306.

¹⁴ Самаркандские документы..., с. 234.

¹⁵ Там же, с. 300—301.

¹⁶ Там же, с. 303—310.

¹⁷ Там же, с. 400, примеч. 194.

¹⁸ История Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1967, с. 512.

¹⁹ Самаркандские документы..., с. 400, примеч. 194.

²⁰ Рашахат, с. 340.

²¹ Самаркандские документы..., с. 305.

²² Рашахат, с. 340.

²³ Среди ходжей были распространены чисто легендарные сведения о первых халифах. Они считали, что все халифы — родственники друг другу и родственники пророку Мухаммаду. По рассказу Ходжа Тура-хона, все четыре халифа и Мухаммад имели общего предка, которого звали Марад. У Марادا было трое сыновей: одного из них звали Касси, от него и произошел Абу Бакр, предок Ходжа Тура-хона. Для последнего Марад был прадедом в пятом поколении. Имен двух других сыновей Марادا Ходжа Тура-хон не знал; было, видимо, в обычае передавать родословную преимущественно по отцовской линии. Вопреки исторической действительности (как она предстает в европейской науке) Ходжа Тура-хон считал Омара двоюродным братом Мухаммада (амакбача). На самом деле, как известно, двоюродным братом Мухаммада был Али. Ходжа Мухаммад-Даврон о халифе Османе сначала сказал, что тот «из другой группы» (джамоеш дигар), но потом припомнил предание, что и Осман был в родстве с Мухаммадом. В его рассказе родословная Осма-

на предстала в следующем виде: Осман — Аффан — Абульяс — Уммийа — Абулшамс — Абулманаф. Мать последнего была якобы сестрой-близнецом Мухаммада; пятый дед Османа был четвертым дедом Мухаммада. О происхождении первых халифов см. И. П. Петрушевский. Ислам в Иране. Л., 1966, с. 18—26.

²⁴ Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч. 1. Поселенные итоги. Вып. 5. Поселенные итоги Самаркандской области. Таш., 1924, с. 67.

²⁵ О. А. Сухарева. Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии. — Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978, с. 118—132.

²⁶ «Ходжа-ахрарские» ходжи, например, сообщили некоторые сведения о двух «святых», захороненных в двух известных самаркандских мазарах — Ходжа Абди бирун и Ходжа Абди дарун (о местонахождении этих мазаров и значении их названий см. О. А. Сухарева. Оборонительные стены Самарканда. — Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с. 92—93). Считалось, что оба они происходят из рода халифа Османа, второй был внуком первого. Ходжа Абди бирун, по преданию, пришел в Самарканд в VII в. Ходжа Абди дарун оставался всю жизнь в безбрачии, и потому у него не было потомства. Шейхи, которые обосновались при его мазаре, были не ходжами, они происходили «от подметальщиков» (джорубкаш), с ними ходжи не рождались. По другим сведениям (сообщение Ходжа Тура-хона), проживавшая в Самарканде группа ходжей Гули сурх — «ходжей красного цвета» (по выражению информатора, «Гулисурхийон») — вела происхождение от основателя известного ташкентского мазара Занги-ата, от которого якобы происходят все ходжи Гули сурх, что сомнительно (о мазаре Занги-ата см. В. А. Шишкин. Мазары в Занги-ата. — В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927, с. 165—166). Что касается родословной ходжей Гули сурх, то она может быть верной только для одной их группы с ее ответвлениями. Ходжи Гули сурх имелись во многих местах, группируясь у тех мазаров, где совершались обрядовые праздники цветов (эти мазары образовались в местах древних культов). Мазары мусульманских святых (их могилы) оказались в этих местах более или менее случайно, но именно из-за праздников как мазары (могилы предков ходжей), так и сами ходжи получили название Гули сурх.

²⁷ Е. А. Давидович. Феодалный земельный милк в Средней Азии XV—XVIII вв. Сущность и трансформация. — Формы феодалной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975. М., 1979, с. 41.

²⁸ Самаркандские документы..., с. 233.

²⁹ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. — «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР». 1961, вып. 1 (24), с. 30—31; она же. Феодалный земельный милк..., с. 40 и сл.

³⁰ Конкретный пример такого рода см. О. А. Сухарева. Ислам в Узбекистане. Таш., 1960, с. 64.

³¹ Самаркандские документы..., с. 233.

³² Там же, с. 296.

³³ Там же, с. 316—371.

³⁴ Там же, с. 371.

³⁵ Там же, с. 233.

³⁶ Об откупщиках см. О. А. Сухарева. Бухара XIX — начала XX в. ...

Н. Н. Туманович

БАРНАБАДСКИЕ ХОДЖИ И ПРАВИТЕЛИ ГОРОДА ГЕРАТА

При исследовании вопроса о роли духовенства в социальной стратификации общества весьма полезными могут быть «Памятные записки» Мухаммада Ризы Барнабади, составленные в Герате в начале XIX в., но в силу специфики жанра обращенные в более раннее время: XV—XVIII вв. Правда, материалы к заданной теме не лежат на поверхности, но их можно извлечь при сопоставлении сведений иного плана, воссоздать интересующую нас картину по косвенным данным, причем есть возможность представить развитие взаимоотношений духовных землевладельцев Барнабади с гератскими властями. Материалы, содержащиеся в труде Мухаммада Ризы, позволяют проследить трансформацию общественного положения барнабадских владетелей на протяжении четырех столетий и наметить четыре ее этапа.

Предок нашего автора, Сирадж ад-дин Али, в самом начале XV в., во времена правления Шахруха (1405—1447), как известно, весьма благоволившего к духовенству, переехал из Мекки в обитель Вахид ад-дина, преемника знаменитого Зайн ад-дина Тайабади, одного из наставников Тимура. Обитель находилась, по-видимому, на месте будущего Барнабада, близ разрушенного в 1381 г. Тимуром Фушенджа. На первом этапе переселенцы обживали новые места, пользуясь покровительством верховного правителя. Преемники Шахруха поощряли занятие земледелием, освоение новых площадей, развитие ирригации. Мухаммад Риза упоминает о том, что в родовом архиве барнабадцев хранились грамоты Тимуридов Абу Са'ида (1458—1469)¹ и Султан-Хусайна Байкары (1469—1506) на имя владельцев этого поместья². Грамоты закрепляли за барнабадцами земли, получили они и ряд налоговых привилегий.

Хорасанское государство Тимуридов пало под ударами Шейбани-хана, но его владычество в Герате продолжалось недолго — всего три года. В результате похода шаха Исмаила I Герат с 1510 г. был формально включен в состав вновь образованного государства Сефевидов, столицей которого был объявлен Табриз, затем Казвин и, наконец, Исфахан. Что касается